

(Искусство сграффито заключается в нанесении на полотно нескольких слоёв краски, которые затем кропотливо процарапываются по определённому рисунку специальным инструментом для выявления цвета). Потом возвращается в Новокузнецк, устраивается мастером керамического цеха в Доме Быта, постигая секреты глины, технологию её обжига. А через год — снова Москва.

Молодой живописец упорно покоряет художественный Олимп и добивается успеха. В 1989 году состоялась первая персональная выставка в академгородке города Дубна. В следующем его картины показывает в Португалии галерея «DA PRACA», в Москве — галерея «Акция». В 1991-м выставка «Малая Грузинская, 28» в Манеже. В этом же году Леонид Ступеньков входит в число 10 лучших молодых советских художников, которые в порядке культурного обмена с 10 лучшими французскими коллегами едут во Францию. Затем — поездки в Польшу, Израиль. В 1992 году два вернисажа в Центральном доме художника — сначала в галерее «Савойя», затем — в «Акции». 1993-й — выставка русского искусства в городах Никосия и Лимассол

США, Португалии, Франции, Кипра. Вложенная в картины частица души русского мастера сохранится и в Намибии. Обычно сдержанные потомки переселенцев из Германии, Англии и Голландии бурно выражали свои эмоции по поводу приобретённых полотен загадочного творца из далёкой Сибири, — делится своими наблюдениями корреспондент «ТАСС — Блокнота». Следующая выставка проходит в ЮАР, в Кейптауне.

Начинается новый виток жизни, новый виток творчества. Всё, что было до Намибии, кажется лишь прелюдией. «В Африке меня поражает моё состояние, настроение, поведение. Я живу, общаясь с самыми разными людьми, и это вдохновляет меня», — говорит он московскому журналисту газеты «Новости культуры». Леонид знакомится с творческой интеллигенцией Намибии и в её лице обретает горячих поклонников своего творчества.

Художника привлекают наскальные рисунки, их в Намибии много — на камнях, в пещерах, в горах. По мнению специалистов, им от 20 до 26 тысяч лет. «Считается, что они принадлежат бушменам, древнему народу, проживавшему в Анголе, Ботсване и

иностранным, заключать договоры. И у него начался душевный пожар: ему хотелось рисовать, а времени на живопись не оставалось», — делится воспоминаниями Владимир Ильич.

Другое увлечение Леонида — кристаллы. «Представьте себе горный хрусталь, внутри которого находится капля воды, которой восемь миллионов лет. Истинные знатоки и ценители как только узнают, что в Намибии найден новый необычный кристалл, приезжают посмотреть на него. Они готовы отдать за такой камень любые деньги», — рассказывает Ступеньков отец. — Лёня собрал уникальную коллекцию минералов, но больше всего его околдовал камень, который местные жители называют питерсайд, это морфизованная слюда. Американцы, увидев коллекцию Леонида, предложили: бросай всё, будешь дилером. Сын не согласился, цена свою независимость».

В 2003 году Леонид организует в Виндхукке первую всеафриканскую выставку минералов, в Карибике проводит артфестиваль — грандиозную тусовку, на которую приглашает художников, музыкантов, поэтов. Его имя становится культовым.

«Нам так хорошо было вдвоём! — вздыхает Владимир Ильич. — Мы

которые занимались ликвидацией в Намибии военной техники советского образца, группа Николая Литая — организатора двух меридиальных кругосветных плаваний», — называет Ступеньков-старший самых запомнившихся. Кто-то на несколько дней останавливался, а кто-то жил по году — полтора. В доме — огромная библиотека с великолепными альбомами по искусству чёрной Африки, разговоры о поэзии, музыке, живописи и полный бар всевозможных спиртных напитков. Лёня был не любителем горячительного, но его тонким ценителем.

В сентябре 2003 года — второй удар: неожиданно уходит из жизни самый дорогой для Леонида человек — мама Валентина Ивановна. Незадолго до этого Леонид решает оставить бизнес и вернуться к живописи. Привозит из Москвы 20 килограммов бумаги, но после смерти матери уходит в себя и уже никогда больше не возьмёт в руки карандаш. В апреле 2004 года неожиданно приезжает на родину, в Новокузнецк. Пешком идёт в Тельбес и Мулдыбаш, где похоронены деды и бабушки по отцовской и материнской линиям, заходит в сельскую церквушку, посещает могилу матушки. Коротко видится со своими

Сон, который падает с небес

Татьяна МИШЕВА

Картины Леонида Ступенькова обладают такой силой магнетизма, что достаточно мимолётного взгляда, чтобы быть притянутым навсегда. Ты ещё даже не всмотрелся в них, не понял манеру письма художника, не определил жанр, в котором они написаны, тебе не известна его судьба, но твоя душа уже принадлежит ему. Потому что в магнетизме его картин чувствуется беспредельность мира, которую он познал. Познал не на земле Кузнецкой, где родился и рос, не в Москве и Петербурге, где открыл в себе дар художника, а в далёкой Намибии, под «Южным крестом» чужого шва. Там, где его, новокузнецчанина Леонида Ступенькова, назвали «русским Гоггном».

Чем околдовала его эта небольшая африканская страна, крошечный Кариб с населением всего-то в семь тысяч человек, — вовсе и не город по русским меркам — где он жил и творил? Нам никогда не узнать об этом. «Думаю, что когда я уеду из Намибии, — а рано или поздно я, конечно, уеду, — мне будут сниться эти саванны, эти закаты, эти лучшие пейзажи», — говорил Леонид корреспонденту журнала «Вояж» Ольге Муриной, которая специально из Москвы прилетела в Африку, чтобы познакомиться и написать о нём. Он не уехал из Намибии — она его не отпустила.

Это имя горожанам открыла Галина Иванова, директор салона «Художник», где было выставлено несколько полотен из серии под названием «Фантазии на тему наскальной живописи», выполненных в стиле старинной итальянской техники сграффито. Картины «Семья колдуна», «Подлунная песня», «Пути сафари», «В кафе несбывшихся мечтаний» и «Нагота», за которую на биеннале в

дыбаша. «Мама его не подрастила, накануне родов отправилась туда из Новокузнецка навестить родителей. Там Лёня появился на свет. Помню, как я нес его оттуда в посёлок Тельбес. С горы, где находился Одрабаш, открывалась великолепная панорама: долина реки, склоны, поросшие вековыми елями. Меня переполнял восторг. Я поднял Лёню: «Смотри, мой сын, на эту красоту!»

В детстве Леонид, по словам отца,

на Кипре, где представлено 60 его картин, которые, кстати сказать, ему не вернули.

Леонид снимает в Москве две мастерские, много рисует. Его принимают в Международную федерацию художников и графиков при ЮНЕСКО (IFA). Он обретает известность, входит в творческую элиту Москвы, обзаводится друзьями и приятелями, в числе которых известные художники, поэты, актёры, режиссёры, филологи, врачи. Бард Булат Окуджава, поэты Белла Ахмадулина, Вадим Антонов, художник Саха Мессерер — круг общения Лёни Ступенькова. Красавец с прекрасными манерами, тонкой душой, добрый и щедрый, он становится одним из любимцев московской творческой тусовки. Слава, деньги, поклонницы. О том, навер-

Намибии, — рассказывает Владимир Ильич Ступеньков. — Леонид срисовал два альбома наскальных рисунков, стилизовал их. Приехал специалист из Австрии, посмотрел и всё забрал. Однажды Леонид познакомился с женщиной-этнографом из Австралии. Она подкинула ему идею «оживить» наскальную живопись, сохраняя свойственный ей примитивизм. Лёня нарисовал 20 картин». Так появилась серия «Фантазии на тему наскальной живописи». Леонид не копировал наскальные рисунки, он вдохнул в них душу, перекинул мостик через тысячи лет и соединил энергетику и талант, водившие рукой первобытного художника, со своей энергетикой и своим талантом. И получился «сон, который падает с небес».

Дефолт 1998 года подорвал финан-

исколесили всю Намибию. Много работали, а вечером шли в бар попить вина и поиграть в бильярд. Там постоянно обитал его друг немецкий скульптор Арман. Они с Леонидом часто устраивали состязание, к примеру, нарисовать чей-нибудь портрет, не отрывая карандаша от бумаги. Вы спрашиваете, чем так притягивала Лёню Намибия? Там была какая-то удивительная свобода. И друзья, которых он там приобрёл, тоже были свободными людьми. Когда я из Намибии приезжал сюда в Новокузнецк, мне становилось тесно. Я до сих пор просыпаюсь по ночам от сабельной боли в сердце, так мне хочется вернуться в Намибию к Лёне».

О том, как жили в Карибике отец и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»

старыми приятелями. Как выяснится позже, в Москве пишет завещание. И улетает в Намибию, где с головой погружается в дела.

В 2006-м фирма «Leonids Minerals and Craftsce» получает заказ на изготовление комплекта мебели для библиотеки Ватикана, в её африканский отдел. Леонид приступает к работе. К нему приезжает группа журналистов телекомпании НТВ. По их просьбе он даёт обширное интервью, в котором рассказывает о себе и своём творчестве, а фактически — подводит итоговую черту под прожитым. Никто этого не понимает, со стороны кажется, что жизнь художника Леонида Ступенькова идёт своим чередом, он в расцвете творческих сил, впереди новые шедевры.

25 июня 2007 года в полночь

«В кафе несбытшихся мечтаний» и «Нагота», за которую на бьеннале в столице Намибии Виндхукке он получил первый приз и был признан лучшим художником страны, написаны по африканским мотивам. «Его работы — как сон, который падает с небес. Немногие знатоки живописи Намибии видели нечто подобное», — говорила организатор выставки, владелица частного салона «Кляйн галлери» Гисела Аллерс. Необычное сравнение, но понятное. Как за картинами сна угадывается ещё что-то, нечто не выразимое, намёк на какую-то другую реальность, которая есть и которой нет, потому что она прочувствована, но не проявлена, так и в его картинах есть реальность проявленная, а есть — не проявленная. Поэтому-то он и назвал эту серию работ фантазиями.

Странные картины, странная жизнь, странный уход из неё. Чтобы хотя бы приблизиться к загадке явления по имени Леонид Ступеньков, я пришла домой к его отцу Владимиру Ильичу.

«Я был абсолютно счастлив три раза в жизни, — так начал свои воспоминания Ступеньков-старший, — когда влюбился в свою будущую жену Валентину, когда родился первый сын Юрий и появился второй сын Леонид». О младшем он рассказывал пять часов. Пять часов я погружалась в яркую, полную красоты и артистизма, любви и творчества жизнь человека с тонкой и нежной душой творца. Две даты — рождения и смерти, а между ними всего-то 45 лет, большая часть

сын, на эту красоту!»

В детстве Леонид, по словам отца, если и отличался от дворовых сорванцов, то только немалышеской нежностью души и сильной привязанностью к матери. Она определила младшего сына в балетную студию, которую он посещал три года, а потом заартачился: пацаны смеются! Его записали в биологический кружок. До сих пор в огромной семейной библиотеке Ступеньковых хранятся тома Брема, Фабра, Ламберта, по которым изучал живую природу юный Лёня. В старших классах он уже занимался боксом, каратэ, гонял по двору на мотоцикле. От детских увлечений на всю жизнь остались умение красиво ходить, «держат фигуру», как говорят в балете, и трепетное отношение ко всему живому — муравья не мог раздавить, рассказывает Ступеньков-старший. С любовью относился к любой живности. В Намибии под одной крышей с ним обитали два мангуста, 20 кошек, шесть собак, две козы, черепахи, хамелеоны, варан.

Когда Леонид уезжал из Новокузнецка в Москву, где жил его старший брат Юрий (к тому времени призёр России по кикбоксингу), он ещё не знал, что посетит в себе дар художника. Не сразу понял это и в столице, поэтому сначала поступил в медицинский институт, но бросил, ушёл работать на Тушинский авиастроительный завод. Потом сдал экзамены в авиационный институт — и снова не то, понимает он. Мучительные поиски — и вдруг прорыв: «Я — художник!» Уезжает в Петербург. Устраивается оператором

которых ушла на поиски и открытие самого себя, своего предназначения. И только он идентифицировал себя с художником, ощутил великую жажду творчества, начал писать, получил признание, как жизнь оборвалась. Смерть на взлёте.

Столичные журналисты почему-то называли Леонида Ступенькова алтайским самородком, а он наш, кузбасский. Родился в маленькой больнице железорудного посёлка Одрабаш, что когда-то находился недалеко от Мун-

в газовую котельную и посещает вольнослушателем Академию художеств. Его картины замечают, дают совет: надо много работать. На Невском рисует портреты — оттачивает навык работы с натурой. Серьёзно занимается изучением анатомии. В семейном архиве Владимира Ильича сохранились штудии сына, на которых он отрабатывал линию, композицию. Леонид осваивает уникальную живописную технику сграффито, которой владеют очень немногие в мире художники.

сковской творческой тусовки. Слава, деньги, поклонницы... О том, наверное, счастливым для Леонида времени, рассказывают фотоснимки. Изысканно и одновременно слегка небрежно одетый молодой художник с товарищами по творческому цеху, натурщиками, друзьями, женой и дочерью. На фотографиях он жизнерадостен, но сквозь улыбку просвечивается лёгкая грусть.

Творчеством Леонида интересуются за рубежом. К нему приезжает американский издатель художественных альбомов Кевин Бегас, желающий постичь истоки творчества художника. «Леонид, недолго думая, отправляется с ним в Новокузнецк. Приезжают ночью, электричек нет. Он договаривается с машинистом товарника и везёт издателя-миллионера в Осман к нам на дачу, — вспоминает Владимир Ильич. — Там топят баню, парятся, голышом прыгают в реку. А наутро Лёня ведёт американца пешком по горам в Тельбес, оттуда — на место, где когда-то был Одрабаш. Издатель вернулся усталым, но переполненным впечатлениями. Его снова в баньку, потом застолье до утра. Следующим вечером подвыпившего Кевина в эмоциональном шоке посадили в самолёт и отправили в Москву, предварительно созвонившись с друзьями, чтобы встретили».

В 1994 году первый удар судьбы: трагически погибает старший брат Юрий Ступеньков, к тому времени президент профессиональной лиги кикбоксинга России. Киллер в упор расстреливает его на подмосковной даче. Испытанное Леонидом потрясение переходит в нервный срыв, потерянность. Друзья брата советуют на время поехать в Африку, там у них бизнес — компания «Аскор» по разведке алмазов, камнеобрабатывающее и сувенирное производство. Так в 1995 году Леонид Ступеньков оказывается в Намибии.

Формально Леонид — художник на фабрике, фактически — не у дел. Учат английский и немецкий языки, африкаанс, на котором говорят буры — представители белой части населения Африки, ездит по стране и много рисует. За 14 месяцев создаёт 22 полотна. Первая выставка, организованная в Российском посольстве Намибии, сразу приносит известность. «Искусство — это мост между народами, и творчество Леонида связывает наши страны», — подчёркивает в своей речи на торжественном открытии вернисажа посол РФ в Намибии Бахтиер Хакимов. «Русские пришли в Намибию со своим искусством, мы рады приветствовать их в своём сообществе, — пишет местная газета. — Леонид Ступеньков — молодой художник, но у него большое будущее». «Его работы хранятся во многих частных коллекциях России,

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

Дефолт 1998 года подорвал финансовое состояние компании «Аскор», друзья Леонида больше не были способны поддерживать свой бизнес в Намибии. Имущество распродаётся, специалисты уезжают, Леонида просят временно остаться на фабрике — до решения судьбы производства. Он — без денег и без перспектив их заработать. Помогает случай. В каком-то из журналов Леонид прочитал, что кто-то когда-то пытался делать мебель из рогов антилопы, которая в Намибии — что крупный рогатый скот в России. Фермеры разводят поголовье ради мяса, рога — продают. Леонид — натура увлекающаяся. Он сразу приступил к дизайнерским наброскам будущей мебели, но кто будет заниматься технической стороной нового дела? Он вызывает в Африку отца, который имеет высшее техническое образование (всю жизнь проработал заместителем главного электрика коксохимпроизводства Запсиба), и Владимир Ильич продумывает,

как вырезать, обточить, закалить ту или иную деталь. На свет появляется фирма по производству эксклюзивной мебели и сувениров «Leonids Minerals and Craftsce», а при ней — магазинчик. Сувениры: мечи, сабли, пики, луки из рогов антилопы, подсвечники, шкатулки, а также бижутерия из минералов пользуются спросом у иностранных туристов, а первая же партия мебели распродается влёт. В числе покупателей люди состоятельные: премьер-министр Намибии, жена кенийского посла. Мебель, аналогов которой трудно найти в мире, привлекает внимание иностранцев. Заказы на изготовление поступают из Японии, Нидерландов, Австрии, ЮАР, Германии, Кении. Леонида приглашают для оформления в африканском стиле старинного замка в Австрии. Его фирма приобретает известность в Европе и США. Выставку мебели, устроенную Леонидом, посещает сам президент Намибии Сен Нуома. Появляются многочисленные статьи о его творчестве в зарубежных изданиях. Всемирная организация дизайнера предлагает ему стать её членом.

Увидев его мебель в одном из зарубежных каталогов, в Намибию приезжают представители старинной немецкой фирмы, которая более 200 лет изготавливает эксклюзивную мебель для богатых домов. Они покупают несколько комплектов и предлагают Леониду изготовить на их фабрике партию его оригинальной мебели. Леонид отказывается, опасаясь, что бизнес затянется его окончательно. «Лёня думал, что бизнес сделает его свободным, позволит не думать о хлебе насущном, а заниматься живописью. Но он ошибся. Пошли заказы, стали приезжать

тив фабрики. Вполне европейский, с несколькими спальнями. Отопления, естественно, нет — в Африке оно мало кому нужно. Горячая вода, естественно, есть — без душа и в Африке не проживёшь. Камин в гостиной на случай внезапных холодов, Лёнины картины на стенах. В свободное от фабрики время Лёня рисует или сидит над камнями, а Владимир Ильич читает поэтов Серебряного века. Русского, а не намибийского, разумеется... Всех Лёниных карибских друзей я не перебидала, но те, с которыми познакомилась, оказались: де Брейн — заместитель главы муниципалитета, Бриджит — художница, работающая с деревом (недавно у них с Лёней была совместная выставка в Виндхукке), Арман — скульптор из Германии, четыре года назад переехавший в Намибию. И Тутси, она пишет серию книг по истории Африки, заказанную ей одним из германских университетов. Компания часто собирается у Лёни дома или в ресторане «Спринбок»... Всё сильно напоминает наши русские посиделки с философскими разговорами. Разве что песен Окуджавы под гитару не хватает».

Дом Лёни славится своим гостеприимством. Там подолгу живут то американские волонтеры, то путешественники, то коллекционеры минералов. Российское посольство регулярно присылает соотечественников из числа русских туристов, потерявших документы или деньги. Им же надо где-то жить и кормиться, пока послы устанавливают их личности, восстанавливают документы. Лёня, общительный и веселый, добрый и щедрый, застой денег никогда и ни с кого не берёт. «Жили у нас русские генералы,

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-

и сын Ступеньковы, писала уже упомянутая мною журналистка «Вояжа»: «Быт русского человека в Намибии устроен нехитро. Большой дом напро-